

Разговорчики в аду

«В круге первом» на канале «Россия»

Коммерсантъ. - 2006. - 31 янв. - с. 21.

Поставив на поток телепоэтики литературной классики, телеканал «Россия» вслед за сравнительно легкой духовной пищей типа «Мастера и Маргариты» решил потчевать зрителя и более жесткой — в этом качестве предлагается осуществленная Глебом Панфиловым экранизация романа Александра Солженицына «В круге первом». Извлечь максимум питательных веществ из первых полутора часов попыталась ЛИДИЯ МАСЛОВА.

В России это первая постановка солженицынской прозы, справедливо считающейся трудной для экранизации, однако иностранные кинематографисты уже прибегали к произведениям живого классика и нобелевского лауреата. Американский телесериал «В круге первом», общей продолжительностью часа в три, был снят в 1991 году на московской натуре и выпущен с жанровым определением «триллер». Американцы, относящиеся к великой русской литературе с традиционным трепетом, задевали в своей страшилке про ужасы сталинизма тяжелую актерскую артиллерию: например, демонизацией сталинского образа занимался театральный корифей Ф. Мюррей Абрахам (обладатель «Оскара» за роль Сальери в «Амадее»), а Абакумова изображал переигравший весь шекспировский репертуар Кристофер Пламмер.

Отечественный пиетет к писателю Солженицыну носит несколько менее натужный характер, и задачи как следует напугать зрителя Глеб Панфилов явно не ставил — по крайней мере, судя по первым двум сериям, показанным по уже опробованной с «Мастером и Маргаритой» тактике сплошным куском без рекламных пауз. Возможно, сверхзадача тут состояла в том, чтобы понравиться самому писателю, и, по словам режиссера, она была выполнена — Солженицын и сценарий написал, и фрагменты текста за кадром читает, и лично предложил Евгения Миронова на роль заключенного марфинской научно-исследовательской «шарашки» Глеба Нержина, то есть самого себя.

Ассоциация «Евгений Миронов» и «телеканал „Россия“» вызывает в памяти «Идиота» Владимира Бортко, где Миронов играл князя Мышкина с некоторым надрывом и элементами юродства. Представляя его в роли не подверженного моральной ржавчине Нержина, аналогичного иконописного персонажа, практически лишённого пороков, тоже можно было ожидать подобных сентиментальных актерских оттоков, однако, напротив, Миронов на экране радуется полной сдержанностью и спокойстви-

Как и роман Александра Солженицына, сериал Глеба Панфилова не столько об ужасах сталинских застенков, сколько о крепкой мужской дружбе

ем. Несмотря даже на то что авторы сериала, видимо, желая утеплить образ несгибаемого Нержина, заставили его писать чувствительные стихи, до которых в романе не доходят руки у героя, занятого записками по истории русской революции.

Есть в фильме и другие мелкие придумки, в целом не нарушающие общего впечатления добротной иллюстрации. Например, из оброненного вскользь замечания о том, что министр Абакумов (Роман Мадьянов) «поигрывал в теннис», вырастает теннисный мячик на его письменном столе, который Абакумов то и дело мнет в руке, и целая полка теннисных призов в его кабинете. У Сталина появилась фарфоровая чашка (настоящая, историческая) с советским гербом, об которую он истерично стучит зубами, когда Абакумов вдруг зачем-то докладывает ему о слове информации из МИДа в американское посольство. На самом

деле в первоисточнике Абакумов во время аудиенции только и думает, как бы Сталин не вспомнил о секретной телефонии, которую ему обещали изготовить уже давно, так что сообщение о злополучном звонке тут совершенно ни к селу ни к городу. Абакумов был бы полным идиотом, если б его сделал — разговор министра с вождем подробно описан у Солженицына как прогулка первого по минному полю, когда каждое неверно выбранное слово может оказаться роковым.

Но на телеэкране даже сильные мира сего имеют полное право выглядеть легкомысленнее, чем на бумаге. Это касается и Сталина — создатели сериала ставят себе в заслугу, что он получился «не карикатурным». Но во всяком случае, юмора этот образ в исполнении Игоря Квашина не лишен — многостраничный психологический портрет тирана, которого мучают провалы в памяти, подоз-

рительность, одиночество, страх за свою жизнь, остался по понятным причинам за кадром. У этого Сталина веселые глаза заядлого шутника, и он откровенно развлекается, издеваясь над Абакумовым, умоляющим вернуть смертную казнь: «А что, если тебя же первого и расстреляем?» Абакумов-Мадьянов покрывается испариной, но, оказавшись у себя в кабинете, точно так же мрачно шутит, отчаявшись добиться от подчиненных изобретения секретной телефонии в сжатые сроки: «Ох, как смертная казнь-то нужна, ох, как нужна-то...» И от того, что демон-нов ада играют характерные артисты с комическим шлейфом, он выглядит совсем не страшным, не говоря уж о его «первом круге», марфинской «шарашке», где ээки делают свою подневольную работу, приплясывая под джаз одновременно из трех радиоприемников, ухаживая за лейтенан-

тами МГБ и прокурорскими дочками и дискутируя о даосской этике.

А дискутируют персонажи книги «В круге первом» практически непрерывно, обсуждая смысл жизни вообще и своей тюремной жизни в частности. Эти разговоры составляют «мясо» романа, и как его приготовить, под каким соусом подать — одна из главных проблем для постановщика. Хорошо было бы сварить из этого мяса концентрированный бульон, то есть в принципе переписать диалоги в более лаконичном ключе, сохраняя их философскую суть, но понимая, что у персонажей десятисерийного сериала не будет столько времени выговориться, как в пятисотстраничной книге. Однако перерабатывая роман в сценарий, Александр Солженицын пошел по другому пути, выбирая те или иные наваристые куски текста и вкладывая их то в уста героев,

то в свой собственный закадровый комментарий.

И если пояснения от автора звучат вполне уместно и по существу, то содержание разговоров воспринимается порой с трудом, особенно когда спорщики начинают сыпать эрудицией и историческими аналогиями. Между тем в сериальном формате достаточно было бы простых, но эффективных риторических приемов, и порой они встречаются. «Неужели и в тюрьме нет человеку свободы? А где ж она есть тогда?» — спрашивает весельчак Прынчиков (Евгений Стычкин), и в книге, только начавшей разгоняться, этот риторический вопрос повисает без ответа, но в сериале тянуть некогда. «В душе», — бросает кто-то угрюмый и тем самым мгновенно резюмирует нравственный мессидж романа, к которому герои приходят ценой многих часов мучительных споров до хрипоты.